

— Стой.

Чу Ханьюэ не успел опомниться — Цинь Фэн уже прижал его к постели, и в голове разом нахлынули воспоминания о прошлых днях, неудержимые, как морской прибой: сначала потрясение, а потом — затяжное, безвольное погружение. Эти воспоминания заставляли его дрожать. Обычно, если Цинь Фэн не проявлял инициативы, Чу Ханьюэ сам никогда не думал о подобном — но стоило начать, как он неизменно терял голову и тонул в этом без остатка.

— Дети узнают, — произнёс он.

— Что они понимают, — Цинь Фэн провёл кончиком носа по его волосам. Такой близости не было уже давно — и он соскучился. Теперь, вдыхая знакомый, сводящий с ума запах Чу Ханьюэ, он с трудом сдерживался — и всё же не торопился, желая растянуть удовольствие. Придерживая запястья Чу Ханьюэ прижатыми к подушке, он неспешно принялся распутывать тесьму на его одежде. — Им чуть больше месяца. Мозгов ещё нет. Ни чувств, ни слуха — не беспокойся.

— Но тогда они явно...

Чу Ханьюэ не мог шевельнуться — Цинь Фэн крепко держал его запястья, придавив к постели. Давление было таким, что он инстинктивно замер, точно зверёк, которого поймал хищник.

Цинь Фэн приложил палец к его губам, призывая молчать.

— Это было просто поглощение пищи. Инстинкт — не осознанное действие.

— Но...

Чу Ханьюэ всё равно было неловко.

— Я беспокоюсь о тебе, — продолжал Цинь Фэн, не прерывая движений рук. — Наши дети — мары. Шаошан — бог. Они проглотили даже его, что говорит об их невероятной силе. Сильный мар не обращает внимания на такие крохи — а вот ты человек, и подобной мощи у тебя нет. Без моей божественной силы они опустошат тебя за пару дней.

Чу Ханьюэ хмурился, лицо ничего не выражало — но внутри он уже достиг предела. Стыд и смущение не давали думать ни о чём другом.

— Не напрягайся. Как раньше, — Цинь Фэн коротко поцеловал его в губы. — Обними меня.

Чу Ханьюэ и не думал слушаться. Отвернулся и, схватив подушку, со всей силы припечатал её к лицу Цинь Фэна.

— Делай что делаешь — и помолчи. Не смотри на меня и не разговаривай!

Едва успел произнести это, как почувствовал — Цинь Фэн поцеловал его руку. Рука дёрнулась, подушка выпала — и тут же была подхвачена.

— Осторожней. Не ударь себя по животу.

Чу Ханьюэ умолк. Прикусив губу, он смотрел на Цинь Фэна. Он думал, что таким отказом охладит его пыл. Он не знал, что именно сейчас, именно в таком виде, он сводит Цинь Фэна с ума.

Утром следующего дня Чу Ханьюэ проснулся от птичьего пения за окном. Тело не болело и не ныло — напротив, в нём словно бурлила сила, и голова была яснее обычного.

С тех пор как он забеременел, ничего подобного не случилось. Внутри всё равно было неловко — настолько, что он не хотел смотреть даже на картину на стене.

Слезая с постели, он всё равно зацепился взглядом за эту картину. Раздражённо сорвал её со стены и засунул в шкаф. Всё это время руки сами тянулись прикрыть живот — но никакого ощущения детей внутри не было.

Он не понимал: если дети существуют только во сне, почему они поглощают его силу наяву? И что с Бессмертным почтенным Шаошаном — раз его поглотили во сне, умер ли он в действительности? Пострадал ли? Или смерть во сне — это просто сон?

Если он погиб лишь во сне — придёт ли Шаошан снова, чтобы ему навредить?

Чу Ханьюэ вспомнил их с Хуаяном разговор: Хуаян говорил, что его истинная сущность находится в мире снов, поэтому наяву Шаошан не может похитить его силу. Значит, Шаошан в том сне тоже был истинной сущностью?

Значит, его дети и впрямь... поглотили бога?

Чу Ханьюэ недоверчиво погладил живот. Мысли были тревожные: природа маров — злая. Если дети рождаются с кровожадностью, которую невозможно обуздать, они обратятся в двух чудовищ, несущих гибель людям. И виновником окажется он.

Хотя если дети останутся в мире снов и никогда не выйдут наружу — тогда, пожалуй, всё не так страшно...

— Наставник, — раздался стук в дверь. Цяо Цяньли заглянул, держа поднос с завтраком. Последние дни его беспокоил цвет лица Чу Ханьюэ — но сейчас наставник выглядел отлично. — Вы сегодня прекрасно выглядите, наставник. Я уж думал, не захворали ли. Видно, просто устали — надо больше отдыхать.

Чу Ханьюэ кашлянул, прекрасно зная, чем объясняется его нынешний вид.

— Я буду завтракать вместе со всеми. Не нужно носить мне отдельно.

— Хорошо, — Цяо Цяньли улыбнулся и унёс поднос обратно.

Раньше за столом сидели только двое — Чу Ханьюэ и Цяо Цяньли. Теперь было шумно: прибавились Цинь Фэн, Чёрная змея и Чэнь Линь.

Едва увидев Чу Ханьюэ, Цинь Фэн недовольно кивнул на Чэнь Линя:

— Наставник, зачем он здесь? Вы и правда собираетесь взять его в ученики?

— Я просто пришёл поесть, — засмеялся Чэнь Линь и вежливо поклонился Чу Ханьюэ. — Доброе утро, старший дядя.

Чу Ханьюэ ответил кивком и обратился к Цинь Фэну:

— За едой — тишина.

Цинь Фэну было не по себе: Чу Ханьюэ улыбнулся Чэнь Линю, а на него даже не взглянул по-человечески. Он обиженно пересел поближе к Чу Ханьюэ — тот не отстранился — и, приободрившись, покосился на Чэнь Линя с торжеством.

— Наставник, — заныл он, — я вчера сделал все задания и повторил весь пройденный материал. Может, сегодня вы научите меня чему-нибудь новому?

Чу Ханьюэ с удовлетворением кивнул. Он давно считал, что Цинь Фэн слишком слаб — учёба пойдёт ему на пользу. Сильный Цинь Фэн — это меньше поводов для беспокойства.

— Можно.

После завтрака Чу Ханьюэ выложил на стол стопку чистых листов для талисманов.

— Буду учить тебя рисовать талисманы.

Цинь Фэн согласно кивнул — хотя в глубине души усмехнулся. За всю прошлую жизнь он ни разу не брался за такую вещь. Прежде он даже посмеивался над теми, кто прибегал к подобным методам: то, что он делал одним движением пальца, другие выводили на бумаге с великим трудом. Талисманы казались ему не столько помощью, сколько лишними рамками.

Но раз Чу Ханьюэ учит — он будет учиться. Более того, он тут же воспользовался случаем, попросив наставника вести его рукой.

— Наставник, вы такой умелый! Стоило вам взять мою руку — и я сразу всё понял, хотя до этого никак не выходило!

Чу Ханьюэ молча положил перед ним кисть.

— Дальше тренируйся сам. Я не смогу водить твоей рукой вечно.

Цинь Фэн только открыл рот, чтобы возразить, как Чэнь Линь уже протягивал Чу Ханьюэ свою работу.

— Старший дядя, взгляните. Как вам?

Цинь Фэн так и не удосужился нарисовать что-то путное — на его листе всё было кривым и косым. Зато у Чэнь Линя линии лежали ровно и красиво. Чу Ханьюэ не удержался от кивка.

— Хорошо.

Цинь Фэн почувал опасность.

— Ты и завтраком успел позавтракать, и уроком воспользовался? Ты давно должен был это освоить — зачем тебе такие азы?

— Хочу восстановить основу под руководством старшего дяди, — ответил Чэнь Линь невозмутимо, с видом взрослого, не обращающего внимания на выходки ребёнка.

Цинь Фэн скрипнул зубами — и размашистым движением нарисовал новый талисман. На этот раз получилось чисто и красиво. Протянул Чу Ханьюэ.

— Наставник, смотрите. Мой лучше. И это мой первый раз.

Чу Ханьюэ поочерёдно взглянул на обоих. Взять Чэнь Линя в ученики — разумно: без него

Цинь Фэн нерадив и никак не слезает с рук. С ним же у него просыпается что-то вроде духа соперничества.

Только вот Цинь Фэн непременно устроит сцену. Это тоже лишняя головная боль.

Цинь Фэн с детства рос без родителей, и его всё время обижали. Когда он наконец обрёл тепло, страх потерять его стал неотступным. Торопиться не стоит: нужно поговорить по-человечески, объяснить, что он не собирается его прогнать, — тогда Цинь Фэн успокоится и перестанет выкидывать фокусы.

Впрочем, Чу Ханьюэ не знал, что настоящая причина протестов Цинь Фэна вовсе не в страхе быть выгнанным. Он просто боялся, что Чэнь Линь уведёт у него Чу Ханьюэ — ведь тот постоянно твердил, что любит молодых.

После обеда Чу Ханьюэ позвал Цинь Фэна на чай. Тот сразу понял: просто так не зовут.

Так и вышло. Едва успел сесть и не успел даже отпить, как Чу Ханьюэ произнёс:

— У Чэнь Линя хорошая основа. Прежний наставник относился к нему небрежно и упустил его.

Цинь Фэн поставил чашку.

— Вы хотите взять его в ученики, наставник?

— Не думай лишнего.

Чу Ханьюэ, боясь очередной вспышки, поднял руку и потрепал Цинь Фэна по голове. Волосы у него были жёсткими — совсем как у большой собаки.

— Через несколько дней Глава вернётся с новыми учениками — шестилетние дети, человек тридцать. Мне нужно будет взять нескольких. Нас троих не хватит — лишние руки не помешают.

— Шестилетние дети... — Цинь Фэн поморщился. — Лишние руки — это хорошо, но всё равно мне беспокойно. Его наставник не будет возражать, что вы забираете его ученика?

— Он не станет возражать.

Цинь Фэн поджал губы. Ша Жусюэ в жизни не скажет лишнего слова против Чу Ханьюэ вслух, даже если и захочет.

— Наставник, коли вам нужен ученик — берите. Что я могу сказать.

Пробормотав это, он подошёл к Чу Ханьюэ, присел на корточки рядом, обхватил руками его пояс и прижался лицом к животу.

— Но, наставник, — протянул он, — даже если возьмёте новых учеников — любить должны только меня. И я буду старшим братом, а он — моим младшим.

Чу Ханьюэ смотрел на него с чем-то похожим на дежавю. Хуаян точно так же любил приседать рядом и прижиматься, как огромный пёс, выпрашивающий ласку.

Разница была, впрочем, существенная: ученик был слаб и нуждался в его защите. Хуаян же — пусть и вечно беспечный на вид — в нужный момент всегда оказывался рядом, спасая его и давая ощущение надёжности.

Он надеялся, что когда-нибудь Цинь Фэн станет таким же сильным.

— Скоро двадцать лет, а всё как ребёнок, — Чу Ханьюэ потрепал его по голове. — Хорошо. Обещаю.

— Наставник, от вас так тепло, — Цинь Фэн и не думал вставать. — Можно ещё немного?

— Хочешь спать — иди в комнату, — Чу Ханьюэ поднял его на ноги. — Виснуть здесь — тебе не лень, а мне уже тяжело.

— Ладно, — Цинь Фэн несколько не расстроился. Вечером в мире снов он может наслаждаться близостью с Чу Ханьюэ сколько угодно — а вчера и вовсе наелся досыта. Незачем сейчас злить наставника ради нескольких минут.

Ночью Чу Ханьюэ вернулся в комнату и, вспомнив вчерашнее, почувствовал, как щёки заливают румянец. Хуаян говорил, что для сохранения его здоровья нужно передавать ему божественную силу каждый день.

Раньше — ещё до беременности — всё было вовсе не ежедневным. А теперь каждый день? Это тяготило. Да, в нужный момент он всё равно терял голову — но он не считал, что это ему так уж необходимо.

Он взял книгу, заварил крепкого чая, чтобы не засыпать слишком быстро. Идти спать прямо сейчас тоже нельзя — иначе выйдет, что он сам ждал. Если Хуаян зацепится за это и начнёт подтрунивать, куда деваться от стыда?

Он осилил несколько чашек крепкого чая и едва перевернул две страницы книги, как сзади его обхватили руки.

— Маленький бессмертный господин мой, почему ещё не спишь? — Цинь Фэн не стал ждать и силой затащил его в мир снов. — Я так долго тебя ждал. Вот, можешь пощупать — сердце буквально болит от тоски.

Чу Ханьюэ отложил книгу и нахмурился, оборачиваясь.

— Ты сам затащил меня в этот сон без спроса?

— Я же для тебя стараюсь, — Цинь Фэн поспешно обнял его и пристроил подбородок на его плечо. — Боюсь, вчера силы передал маловато — вдруг не хватит.

— Хватит, — отрезал Чу Ханьюэ, невольно вспоминая, чем именно его «наполняли» прошлой ночью, и снова закашлялся. — Сегодня не нужно.

— Лучше с запасом. Кто знает, как быстро у них растёт аппетит.

Цинь Фэн, всё так же обнимая его за пояс, шепнул в ухо:

— Пойдём на кровать. После вчерашнего нельзя тебя утомлять — за столом не будем.

Чу Ханьюэ, вспыхнув от стыда и раздражения, схватил лежавшую рядом книгу и треснул ею Цинь Фэна по голове.

— Бессовестный.

Цинь Фэн преувеличенно схватился за ушибленное место.

— Я же беспокоюсь о тебе. Как ты можешь не понять моей душевной боли.

Чу Ханьюэ смерил его взглядом.

— Ты, верно, очень страдаешь с тех пор, как я забеременел? Никак не можешь творить всё что вздумается?

Цинь Фэн улыбнулся — ответ был очевиден, но бить его снова он не хотел, поэтому промолчал.

— Я смотрю, тебя даже радует, что дети поглощают мою силу, — хмыкнул Чу Ханьюэ. — Ты

просто хочешь воспользоваться случаем и...

Последние слова он так и не произнёс — они застряли в горле.

— Я лишь хочу, чтобы тебе было хорошо, — Цинь Фэн поцеловал его в щёку. — Вчера ты тоже был совсем не против. Зачем постоянно ходить с таким каменным лицом? Расслабься — здоровью полезно.

— Ерунда! Несёшь небылицы! — только и успел выговорить Чу Ханьюэ, как Цинь Фэн подхватил его и уложил на кровать.

Он попытался сесть — и тут же был мягко, но неотвратно прижат обратно.

— Тебе правда не нравится?

Уши Чу Ханьюэ медленно заалели.

— Не... не нравится.

— А вот так? Тоже не нравится?

Чу Ханьюэ зажмурился и стиснул губы — лишь бы не издать ни звука.

На следующее утро он проснулся бодрым, как никогда.

Сегодня возвращался Глава — нужно было выйти встречать. Хорошо ещё, что Цинь Фэн вчера не слишком затянул, иначе пришлось бы вставать поздно и выслушивать насмешки.

Цинь Фэна с раннего утра уже тормозила Чёрная змея — тащила смотреть на новоприбывших.

Цинь Фэн был не в настроении. Он ещё смаковал воспоминания о прошлой ночи и хотел поваляться в кровати подольше.

— Нас же никто не должен видеть. Зачем нам это зрелище?

— Сделай заклинание невидимости — ты же умеешь, — Чёрная змея уже тянул его к выходу. — Говорят, учеников отбирают с какого-то острова бессмертных. Строгий отбор, каждый год новая партия. Пойдём, глянем хоть одним глазом!

При этих словах Цинь Фэн мгновенно вскочил с постели.

— Идём.

— Ты согласился? — обрадовался Чёрная змея, семена следом. — Каждый день тут одно и то же — то ешь, то спишь. Хоть какое-то развлечение!

Цинь Фэн не стал объяснять, что пришёл вовсе не ради развлечения. Он вспомнил своё обещание — разузнать, откуда родом Чу Ханьюэ. Хотел порадовать его.

Для начала нужно было разведать, что это за остров.

Они забрались на крышу и украдкой наблюдали за двором. Глава привёл тридцать шестилетних детей — все белощёкие, круглолицые, как маленькие пухлые булочки. На редкость милovidные.

Чёрная змея сглотнул слюну.

— До чего же аппетитные. Так бы и тяпнул каждого.

Цинь Фэн покосился на него.

— Ты что, людоед?

Чёрная змея облизнулся.

— Ну а то. Человечина такая ароматная — только Глава запретил мне есть людей...

— Ваш Глава с постной физиономией? — фыркнул Цинь Фэн. — Сам небось не брезгует, а тебе запрещает. Лицемер.

— Кто сказал, что у него постная физиономия! — Чёрная змея отвернулся с негодованием. — Столько детей каждый год, а остров, похоже, совсем не мельчает. Огромный, что ли? Или там просто очень плодovитые?

Он вздохнул.

— Видать, на острове делать совсем нечего — только детей рожать.

— Почему все мальчишки? — нахмурился Цинь Фэн, осматривая детей.

— Ну как же, — протянул Чёрная змея с видом знатока. — Девочки остаются — продолжать род. Иначе откуда каждый год такой поток? Горы Юньцзянь явно предпочитают мальчиков. Не то что мы, в секте Ваньшань...

— Не то что вы в секте Ваньшань, — подхватил Цинь Фэн, — где невинных женщин хватают и скармливают червям.

— С тобой не разговариваю! — Чёрная змея в сердцах прыгнул с крыши и ушёл.

Увидев, что церемония принятия в ученики подходит к концу, Цинь Фэн тоже прыгнул вниз и вернулся к себе.

Вскоре Чу Ханьюэ явился с тремя маленькими учениками. Цинь Фэн невольно их разглядывал — дети были удивительно похожи: и лицом, и цветом кожи, и ростом.

— Вы братья? — не выдержал он.

Трое немедленно юркнули за спину Чу Ханьюэ и, судорожно вцепившись в полы его одежды, робко пискнули:

— Нет.

Цинь Фэн потянулся было ущипнуть их за щёки — дети шарахнулись глубже за наставника.

— Не пугай их, — осадил его Чу Ханьюэ.

Цинь Фэн отступил и побежал наливать чай.

— Наставник, вы, наверное, устали с утра? Отдохните немного.

Чу Ханьюэ принял чашку и едва успел сделать глоток, как Цинь Фэн уже спрашивал:

— Вы говорили, что в этом году хотите взять побольше учеников. Почему тогда только трёх?

— Обычно я вообще никого не беру, — коротко ответил Чу Ханьюэ.

— Ах вот как. Тогда, пожалуй, и правда много, — Цинь Фэн усмехнулся. — Но раз всего трое, зачем вам Чэнь Линь в помощники?

Чу Ханьюэ покосился на него.

— Ты думаешь, маленькие дети — это просто?

— Понял, наставник, вам виднее, — пробурчал Цинь Фэн без особого убеждения.

— Иди помоги старшему брату. Устрой им жильё, покажи, что где находится.

Чу Ханьюэ отдал распоряжение и удалился в кабинет готовиться к урокам, а потом заглянул на кухню — распорядиться насчёт детских угощений.

Он признавал: опыта с детьми у него не было никакого. Прежде он всегда боялся, что не справится, и передавал новых учеников своим братьям по секте — а сам только помогал общими силами. Теперь это был его первый настоящий опыт. Он решил взять троих для начала, а в следующем году взять больше. К тому же скоро должны были родиться дети — пока они не появились, можно было хотя бы немного привыкнуть к тому, как воспитывают маленьких.

При мысли о детях рука сама потянулась к животу, и лицо неожиданно для него самого стало мягким. Он обернулся — и столкнулся взглядом с ухмыляющимся Цинь Фэном. Чу Ханьюэ мгновенно убрал руку и сжал кулак в рукаве.

— Наставник, я уже всё устроил, — с победоносным видом объявил Цинь Фэн, явно ожидая похвалы.

Чу Ханьюэ потрепал его по голове.

— Молодец. На сегодняшнее утро уроков нет — отдохни. Послеобеденный урок в обычное время.

— Наставник, можно, я побуду рядом? — Цинь Фэн подсел к нему и налил ему чаю. — Я тут разузнал: каждый год с острова бессмертных привозят партию детей. Сегодня их было тридцать человек.

— Да, — кивнул Чу Ханьюэ. — В прошлом году примерно столько же.

— Каждый год по несколько десятков — а учеников в горах всё равно немного, — задумчиво сказал Цинь Фэн. — Неужели у вас такой высокий процент вознесения?

— Нет, что ты. До ста лет вознесение редкость.

— Тогда куда они деваются? Умирают?

Чу Ханьюэ, несмотря на то что эти сведения были бесполезны для Цинь Фэна, терпеливо объяснил:

— Все новоприбывшие на следующий год сдают испытание. По его итогам определяется их судьба: не прошедших Глава забирает обратно. В этот раз он вернул больше двадцати и привёз тридцать новых. Сколько из них останется — посмотрим. Кроме того, даже оставшиеся продолжают сдавать экзамены: до двадцати лет — раз в пять лет, после двадцати — раз в десять.

— А что на этих экзаменах проверяют? — спросил Цинь Фэн.

Чу Ханьюэ слегка взглянул на него.

— Тебе это не нужно. Ты не сдаёшь.

— Просто интересно, — Цинь Фэн смягчил голос. — Наставник, я же хочу держать себя в соответствии с высокими стандартами горы Юньцзянь. Скажите — для понимания.

Чу Ханьюэ помолчал, потом сказал нечто, чего Цинь Фэн не ожидал:

— Не помню. Это тайна секты, поэтому воспоминания о содержании экзаменов стираются.

— Вот оно что, — Цинь Фэн почесал подбородок. — Потому-то дети и не помнят, откуда приехали. Вы тут всё засекречиваете да память стираете — а о правах человека никто не думает?

— Раз это правила, переданные из поколения в поколение каждым следующим Главой, значит, за ними стоит серьёзная причина, — ровно ответил Чу Ханьюэ. — Пойди посмотри, не нужно ли что-нибудь братьям. И малышей не обижай.

— Понял.

Цинь Фэн отправился к трём маленьким ученикам. Те были до невозможности послушными и милыми — стояли тихо, как пушистые комочки.

Цяо Цяньли и Чэнь Линь уже водили их по двору, объясняя, где учатся, где едят, где можно читать книги.

Стоило Цинь Фэну появиться, как все трое немедленно спрятались за спину Цяо Цяньли. Тот, несмотря на внушительный рост и крепкое телосложение, был таким добродушным, что дети сразу к нему потянулись. А вот Цинь Фэн — пусть и улыбался — вызывал у них только ужас. Они выглядывали из-за широкой спины Цяо Цяньли, плакали и дрожали.

Цинь Фэн, задетый до глубины души, наклонился к ним.

— Ну что вы ревёте? Будто я вас обидел. Забыли уже, что я привёл вас в ваши комнаты и угостил пирожками? Уже не помните?

Трое переглянулись — и зарыдали ещё громче.

Чэнь Линь поспешно заслонил их собой.

— Ты что, втихую их бил?

Цинь Фэн смерил его взглядом.

— Ты как разговариваешь со старшим братом?

— Старший брат, ты их бил? — повторил Чэнь Линь.

— Тьфу. — Ещё один взгляд. — Я что, похож на человека, который бьёт детей?

Чэнь Линь кивнул.

— Очень.

— Говорить с тобой не хочу, — отрезал Цинь Фэн — но тут же схватил Чэнь Линя за рукав, когда тот собрался уйти. — Подожди. Я хотел тебя кое-что спросить.

— О чём? — Чэнь Линь всё так же смотрел на него своими рыбьими глазами. — Хочешь, чтобы я замолчал про то, как ты бил малышей?

— Я. Их. Не. Бил! — Цинь Фэн едва не задохнулся от возмущения. — Сколько тебе лет?

— Только исполнилось двадцать. — Помолчав, Чэнь Линь добавил: — Слышал, тебе девятнадцать.

— Так и есть. Я моложе, — Цинь Фэн почему-то обрадовался этому факту. Чу Ханьюэ любит молодых — значит, у него преимущество перед этим типом. — Говорят, у вас раз в пять лет испытание. Ты тоже участвуешь?

— Да, все участвуют. Нас таких человек пять из одного набора.

— Когда?

— В следующем месяце, десятого, — ответил Чэнь Линь и прищурился. — Хочешь тоже пройти?

— Нет, не об этом. — Цинь Фэн запомнил дату. — Испытание сложное? Я встречал твоих двух братьев по секте — слабоваты они. Неужели прошли?

— Содержания я не помню. Но, думаю, дело не только в боевых навыках — оценивают по-разному. Может, у них есть потенциал.

Цинь Фэн уловил в его словах ту же растерянность и потащил Чэнь Линя в угол.

— Хочешь знать, что там проверяют?

Чэнь Линь прокашлялся. Слово «хочу» он успел проглотить и вместо этого спросил:

— Ты знаешь?

— Не знаю, откуда бы. — Цинь Фэн понизил голос. — Когда наступит твой черёд — возьми меня с собой. Я обернусь каким-нибудь предметом, который можно носить при себе. Только наставнику ни слова.

— Раскроют, — с сомнением сказал Чэнь Линь.

— Не раскроют. Доверься мне.

Цинь Фэн слегка сжал его плечо — и Чэнь Линь вдруг почувствовал, как что-то внутри изменилось. Секунду назад казалось, что затея сомнительная — а теперь он отчего-то верил Цинь Фэну безоговорочно.

— Хорошо.

Той же ночью Чу Ханьюэ успел выпить несколько чашек крепкого чая — и всё равно был силой втянут в мир снов.

На этот раз он не был готов. Едва не упал и рефлексивно схватился за живот — и обнаружил, что тот заметно больше, чем прежде.

Лицо его потемнело.

— Что-то не так, — произнёс он тихо.

— Что случилось? — Цинь Фэн, увидев его лицо и жест, решил, что дети снова разбушевались, и поспешно его подхватил. Потянулся было ощупать живот.

Чу Ханьюэ отбил его руку.

— Размер неправильный.

— В каком смысле? — Цинь Фэн всмотрелся. Одежда у Чу Ханьюэ была широкая, обычно ничего не было видно — но сейчас, когда тот придерживал живот рукой, контуры всё же угадывались.

— Двойня же, — принялся успокаивать Цинь Фэн. — Естественно, живот будет больше, чем при одном ребёнке.

— Всё равно не так. Им нет и двух месяцев — они не должны расти так быстро, — отрезал Чу Ханьюэ, бросив на него тяжёлый взгляд.

Цинь Фэн невольно съёжился — решив, что Чу Ханьюэ винит его в нежеланной беременности.

— Это всё я виноват. Я не знал, что у тебя такая особая природа. Знал бы — был бы осторожней.

Он осторожно положил руку поверх руки Чу Ханьюэ.

— Если ты не хочешь этих детей, я могу найти способ...

Не успел он договорить, как один из малышей со всей силы пнул изнутри.

Удар был такой мощный, что Цинь Фэн почувствовал его сквозь ладонь Чу Ханьюэ и слой кожи.

В мире снов Чу Ханьюэ боли не ощущал — но всё равно невольно поморщился. Холодно взглянув на Цинь Фэна:

— Говори что-нибудь умное.

— Ты хочешь этих детей? — спросил Цинь Фэн — и малыш снова пнул. Он поспешно принялся

успокаивать: сначала старшего, потом младшего. Еле уgomонил — и перевёл дух.

— Ты передавал слишком много силы, вот они и растут быстро, — ровно произнёс Чу Ханьюэ.

— Не так уж много, — возразил Цинь Фэн — но, увидев его взгляд, немедленно поправился: — Нет, было много. Просто они такие прожорливые. Их вина.

Один из малышей снова пнул.

— Вы только посмотрите на них, — пожаловался Цинь Фэн, тыча пальцем в живот. — Ещё не родились, а уже командуют. Я вообще-то ваш отец!

Чу Ханьюэ отстранился.

— Подальше от меня.

Цинь Фэн, боясь, что дети снова устроят живот, послушно отсел. Но рук не сложил — принялся доставать из воздуха всевозможные угощения: пирожки, сладости, целебные отвары. Стол быстро покрылся яствами.

— Хватит, — сказал Чу Ханьюэ, не глядя на гору снеди. Пригубил только чай. — Им нужно немного силы, не много. Перекармливаешь — они растут быстро. Так и не успеют родиться — лопнут.

— Они же не золотые рыбки, — фыркнул Цинь Фэн — но всё равно исподтишка показал животу кулак. Задумал поластиться к маленькому бессмертному господину — а эти двое в самый неподходящий момент. Всё из-за них.

— Они ещё совсем маленькие, ничего не понимают, — произнёс Чу Ханьюэ тихо. Лицо чуть порозовело. — Ты сдерживайся. Когда они поглотят всю силу в моём теле... тогда... можно будет снова передать немного.

Цинь Фэн приободрился и закивал.

— Ты права. Если живот станет слишком большим — роды будут тяжёлыми. Хотя в мире снов боли нет, и даже если не разродишься — просто проснёшься. Но мне всё равно будет больно смотреть.

Он снова придвинулся и взял Чу Ханьюэ за руку.

— Давай займёмся чем-нибудь другим. Хочешь, расскажу тебе историю? Или научу

пользоваться божественной силой?

При последних словах Чу Ханьюэ востепенел. Оба варианта его привлекали — но в теле и так было слишком много силы. Если ждать, пока дети поглотят её всю, живот будет только расти. Лучше немного израсходовать. Да и когда живот станет больше, учиться уже будет неудобно. Истории подождут.

— Учите меня, — сказал Чу Ханьюэ.

— Хорошо, — Цинь Фэн встал и зашёл ему за спину. Обнял за плечи, вытянул вперёд свою руку — ладонь к нему. — Предупреждаю: этому нельзя обучить на расстоянии. Только вот так — рука в руке. Иначе не почувствуешь нужного.

Чу Ханьюэ только что оттолкнул его — и теперь немного смутился. Он смотрел на протянутую ладонь и чувствовал, как Цинь Фэн ещё чуть-чуть прижимается к его спине — тепло, успокаивающе.

— Ну? — Цинь Фэн качнул рукой. — Передумал?

— Нет, — тихо кашлянул Чу Ханьюэ, пряча смущение, и положил свою ладонь в его.

Цинь Фэн сжал его пальцы.

— Для начала повторим пройденное.

Он направил руку Чу Ханьюэ к только что поставленной чашке — раздался хлопок, и та разлетелась на куски, рассыпавшись облаком золотых искр.

Цинь Фэн покачал головой.

— Сила большая, но контроль хуже, чем в первый раз. При таком расходе, если столкнёшься с сильным противником, запас иссякнет прежде, чем успеешь пополнить его.

Чу Ханьюэ с детства учился легко — что бы ему ни преподавали, схватывал с первого раза. Быть отчитанным было непривычно — и всё же он кивнул.

— Слушаюсь. Попробую ещё раз.

Цинь Фэн вспомнил все уроки, которые Чу Ханьюэ преподавал ему. Упускать такую возможность было бы неразумно.

— За ошибку полагается наказание. Иначе запомнишь плохо.

Чу Ханьюэ не возражал.

— Хотите ругать — ругайте. Хотите наказывать — наказывайте, как считаете нужным.

Цинь Фэн наклонился к его уху.

— Я не подниму на тебя руку. Моё наказание — ты должен меня поцеловать.

<http://bllate.org/book/17570/1662106>